

НВО №32,
1997г.

стр. 177

29 августа -
Четверг 97г.

ЯДЕРНЫЙ ШАНТАЖ

Угрозы «внутренних врагов» настораживают больше, чем происки извне

Владимир Орлов

Россия

В АВГУСТЕ 1997 г. исполняется три года знаменитому «мюнхенскому скандалу», когда на рейсе «Люфтганза», прибывшем из Москвы, немецкие спецслужбы обнаружили чемоданчик с плутонием оружейного качества якобы российского происхождения.

Российское происхождение материала так и не доказано. По признанию руководителя Минатома Виктора Михайлова, «и протавцами, и покупателями выступали спецслужбы». Как бы то ни было, «мюнхенская бомба», целью которой наверняка было привлечь внимание к неблагополучному состоянию дел с хранением ядерных материалов в России, сработала «наоборот». Так как шум о ядерной контрабанде из России в очередной раз не был подкреплён доказательствами, российские официальные лица получили возможность игнорировать остальные позорительные ситуации.

Россия развила контрпропагандистскую деятельность в апреле 1996 г., когда в Москве прошёл саммит «восьмерки» по проблемам ядерной безопасности. Подводя итоги, президент Франции Жак Ширак заявил: «Только глупцы могут утверждать, будто с ядерной безопасностью в России дела плохи».

Владимир Андреевич Орлов — директор Центра политических исследований в России и главный редактор журнала «Ядерный контроль».

Российские спецподразделения на отработке действий по обезвреживанию террористов, условно захвативших атомный объект.

Фото Игоря Короткова

Однако несоблюдение бюджета-96 в области ядерной безопасности объектов, еще более урезанного, особенно для Минобороны, бюджет-97 и, наконец, секвестр заставляют поставить вопрос: будет ли способно государство обеспечивать необходимый уровень защиты ядерных материалов и боеприпасов от несанкционированного доступа?

ПОЛУГОЛОДНЫЕ С ЯДЕРНОЙ БОМБОЙ

В бывшем Советском Союзе закрытость границ, стабильность внутривнутриполитической ситуации, тотальный контроль за населением и особенно за персоналом ядерных объектов, первоочередное финансирование атомного комплекса, высокий уровень благонадежности персонала, подкреплённый высо-

кими заработками и престижностью работы, — позволяли забыть о «внутреннем враге», потенциальном похитителе ядерных материалов и беспокоиться лишь о противоборстве с врагом внешним, считает заместитель председателя Госатомнадзора Александр Дмитриев.

Сейчас наоборот. «Внешний враг» в лице США пытается по-

мочь России избавиться от «врагов внутренних». Результат получен лишь на отдельных объектах, таких, как Обнинский физико-энергетический институт или Машиностроительный завод в Электростали. На подавляющем большинстве объектов физическая защита материалов оружейного качества по-прежнему находится в плачевном состоянии. Отсутствуют средства, преграждающие доступ к ним посторонних: нет ни трех защитных барьеров, ни противотаранных средств, которые помешали бы боевикам проникнуть на тяжелых грузовиках, ни освещения по периметру, ни сигнализации с автономным питанием, ни внутренней телевизионной системы. Еще недавно сотрудники Госатомнадзора находили «дырки в заборах», самых закрытых предприятий Минатома. 70 процентов имеющихся технических средств охраны устарели. 20 процентов выработали два-три срока. Их пытаются как-то поддержать, но специалисты утверждают, что это уже невозможно. Но даже там, где нет «дырок в заборах», охрану внутренних войск МВД заменяют на бабушек из ВОХРа — так дешевле. В США охранник подобного объекта ежегодно подтверждает свои физические способности, в частности он должен пробежать кросс: милю за восемь минут. А у нас, говорит г-н Дмитриев, «тетенька, когда ее изредка вызывают на стрельбище, дай Бог, зажмурясь, сделает пару выстрелов из пистолета... Ядерные хищения 1993 г. на Северном флоте показывают: преступники перекусывают сигнализацию кусачками, а охранники склада тем временем спокойно спят.

(Окончание на стр. 7)

(Окончание. Начало на стр. 1)

Существует постановление правительства № 618 о финансировании физической защиты ядерно опасных объектов в 1992–1996 гг. Программа завершена. Из каждых пяти обещанных рублей выдан только один. За одиннадцать месяцев 1996 г. по защищенным статьям бюджета Минатом был профинансирован на 52 процента. Сумма средств, выделенных на физическую защиту, сократилась по сравнению с 1991 г. в три раза.

Ситуация с ядерными боеприпасами не менее драматична. Склады ядерных бомб построены, как правило, 30–40 лет назад и нуждаются в реконструкции. В 1996 г. Министерство обороны вынуждено было констатировать, что запасы расходных материалов для технического обслуживания почти исчерпаны и средств для их закупки практически нет. Для улучшения физической защиты в 1995 г. было изыскано 3 млрд. руб., которых хватило лишь на развертывание фрагмента современной системы физической защиты на одном объекте категории «С» и проведение подготовительных работ на других объектах. На 1996 г. на решение этой проблемы выделено всего лишь 1 млрд. руб., в то время как затраты на оснащение систем физической защиты объекта в целом составляют около 30 млрд. На 1996 г. для решения вопросов обеспечения и устойчивого функционирования объектов хранения ядерных боеприпасов Министерством обороны запрашивалось на безопасную эксплуатацию 640 млрд. руб. — фактически выделено 110 млрд., на разработку и закупку технических средств охраны и физической защиты — 830 млрд., фактически выделено 53 млрд. рублей.

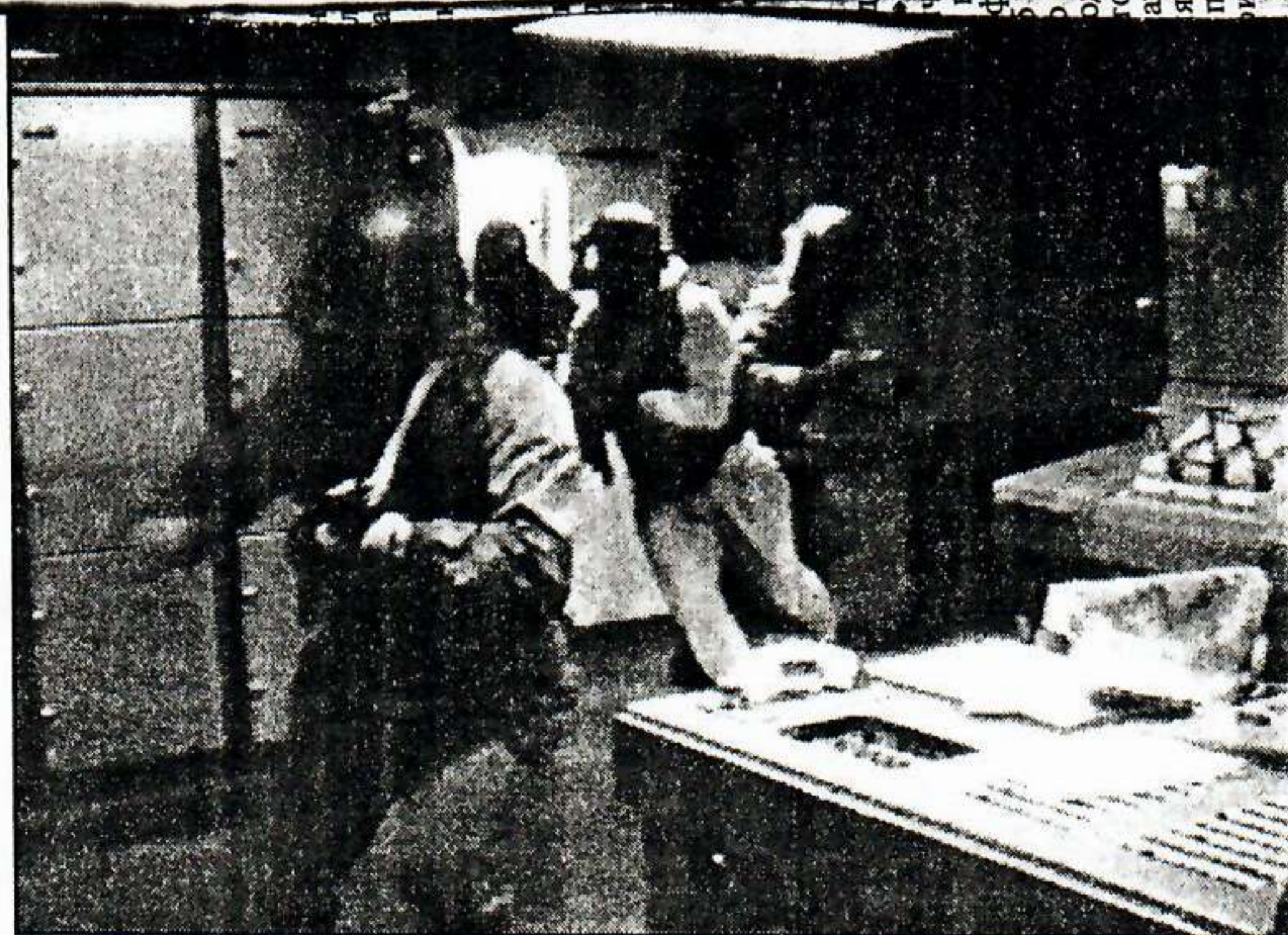
Какой смысл говорить о физической защите ядерного объекта, о «многоярусных барьерах», спрашивает сотрудник Арзамаса-16, если по закрытому городу расхаживают преступники, вооруженные огнестрельным оружием и терроризирующие жителей взрывами автомашин. В жилых городках, обслуживающих ядерные объекты Министерства обороны, живут 3438 семей, «утративших связь» со своим секретным местом работы. Командир части им теперь не указ, а знания об объекте сохранились. На их переселение нет денег.

Спасаясь от нищеты, предприятия Минатома сдают свои помещения коммерческим структурам. Многие из которых постепенно пытаются поставить жизнь на предприятии под свой контроль, как это чуть было не произошло с подольским «Лучом». Естественно, никакого отношения к оружейным материалам по своему профилю они не имеют. В результате на объектах и вблизи них появляется категория людей, имеющих возможность доступа к ядерным материалам, благонадежность которых, к сожалению, мы

не получим лицензию, заявят в декларации материал, а затем... перевезет его «немножко больше». А ведь здесь считанные килограммы «решают все». «Пресечение такой контрабанды затруднено», — признает Кравченко. Пулковская таможня задержала один такой груз, следовавший из Санкт-Петербурга в Великобританию. Реальный груз по весу превышал заявленный в два раза. А это была последняя поставка из большой серии. С оружейным плутоном сложнее, соглашается Кравченко,

гом и, наконец, активный интерес к передовым технологиям, ведущим к массовому поражению людей, — все это переводит угрозу ядерного терроризма в практическую плоскость.

Министерство обороны разводит руками: «В воинских коллективах, обеспечивающих сохранность ядерных боеприпасов и ядерного оружия, возрастает социальная напряженность, которая может стать одной из причин возникновения угрозы шантажа и ядерного терроризма». Госатом-

Учебный штурм атомной электростанции, захваченной террористами, российским спецподразделением.

Фото В. Соколова

Но знают они и то, что такая помощь — это не столько техника на миллионы долларов, сколько политика на миллиарды. Замечено, что Соединенные Штаты, пользуясь поставками оборудования как предлогом, пытаются проникнуть в святая святых российских военных-ядерщиков, собрать разведданные. Военные признают: «Пока еще ни одного иностранного гражданина у нас на объекте не было. Но такие настойчивые попытки предпринимаются».

Впрочем, есть и более серьезная проблема в ядерном «сотрудничестве-соперничестве» России и США. Вашингтон, чувствуя финансовую уязвимость Москвы, пытается «поймать момент», вытянуть откровенные признания о полураспаде ядерно-оружейного комплекса. Часть исследователей, далеких от «шпиономании», не исключает, что со временем под международный шум о неспособности России контролировать собственное ядерное оружие кто-то захотел бы поставить нашу «военную компоненту» «под гарантию МАГАТЭ или иной международной структуры, что на практике означало бы конец России как ядерного государства».

При знакомстве с состоянием дел в ядерной области может показаться, что скорейшее свертывание ядерного потенциала, причем без давления извне, самостоятельно, было бы для России наилучшим выходом. Действительно, стоит ли держать столь дорогостоящее хозяйство, если его же бояться? Однако такой поворот оказался бы наилучшим выходом по двум причинам — военно-политической и технической.

Несмотря на все проблемы, российский ядерный арсенал обеспечивает политику ядерного сдерживания

ЯДЕРНЫЙ ШАНТАЖ

Понятно, что военные, как и представители любой другой отрасли, могут быть склонны к некоторым преувеличениям и нагнетанию страхов в попытке «выбить деньги» из бюджета. Так, в целом состоянии физической защиты на хранилищах по-прежнему обеспечивается сохранность арсенала, а уровень учета «изделий» гарантируется от их пропажи. Вопрос в том — что будет завтра.

Среди сегодняшних проблем главная — транспортировка. По словам генерала Маслина, до последнего времени возглавлявшего 12-е главное управление Министерства обороны (ГУМО), которое как раз и отвечает за ядерное оружие, именно при перевозках бомб по железным дорогам или на грузовиках нельзя исключать аварии или хищения. По данным заместителя начальника 12-го ГУМО генерала Валькина, оглашенным в ходе слушаний в Государственной думе, министерству катастрофически не хватает спецавтомобилей, обеспечивающих защиту боеприпасов от пуль, осколков, пожаров и опрокидываний. Хотя в 1996 г. произведено и поставлено в войска 46 таких автомобилей (это в три раза больше, чем за три предыдущих года вместе взятых), обеспеченность ими воинских частей не превышает 17% от необходимого. С железными дорогами еще тревожнее. Истекает срок эксплуатации имеющихся спецвагонов. С 1993 по 1996 г. снято «по старости» 223 вагона, поставлено — 38. Но главное — капитальный ремонт железнодорожных путей внутри объектов не проводился с момента их постройки.

Ослабленный контроль за доступом на ядерные объекты, хранилища-свалки, постоянный риск аварий при перевозках — какие проблемы могут быть важнее?

Кадры... элитных частей Минобороны, привыкшие к спокойной работе с «материалами» и «изделиями», гордящиеся этой работой. Сегодня они полуголодные, почти безработные.

Из высказывания представителя Министерства обороны, посетившего ядерный объект осенью 1996 г.: «У людей нет денег, людям не на что жить. Майор, который завтра идет на техническое обслуживание с ядерным боеприпасом, теряет сознание от голода. Как жить? Как обслуживать ядерные боеприпасы?» Офицеры не получают зарплату по три месяца, продовольственный паек — по восемь месяцев. По инструкции офицер должен работать со «специзделием», предварительно сняв свою обувь и переобувшись в мягкие тапочки. Даже на эти тапочки в частях нет денег. И офицеры, не получающие месячными зарплатами, выкраивают последние гроши на эти тапочки, потому что знают — иначе нельзя.

В Сарове, бывшем Арзамасе-16, в 1991 г. зарплата сотрудников, работавших с ядерным оружием и оружейными материалами, превышала прожиточный минимум в четыре с половиной раза. Человек мог спокойно трудиться, содержать семью. В среднем по 1996 г. она составила треть от прожиточного минимума. Это у людей, которые держат в руках ядерную бомбу. В буквальном смысле слова. Лишь недавняя поездка в Арзамас-16 Виктора Черномырдина, кажется, несколько разрядит ситуацию.

В «закрытых» городах растут массовые увольнения. Ухудшается криминогенная обстановка. Город Саров, не знавший, что такое преступность, сегодня имеет три с половиной тысячи ранее судимых.

гарантировать не можем, признает Госатомнадзор.

Чем опасны эти «неблагонадежные»? Ведь долгое время нас так упорно уверяли, что все разговоры о ядерных хищениях не стоят ломаного гроша.

ЛЕГАЛЬНАЯ КОНТРАБАНДА: ТАМОЖНЯ БЕССИЛЬНА

И все-таки год назад, на встрече «восьмерки», Россия впервые публично признала, что проблема ядерной контрабанды существует и что она важна, поскольку «риск сохраняется». Представитель Международного агентства по

но и здесь «есть способ»: он имплантируется в другой радиоактивный материал или провозится вместо него. Контейнер опечатан, таможенник, как правило, лишь листает документацию и сверяет номера. А в контейнере вместо цезия-137 плутоний... Мониторы, радиометры... Все эти приборы разработаны и когда-нибудь поступят на внутренние и внешние таможи. Но сегодня ими оснащены лишь каждый четвертый КПП. До самого последнего времени половина имеющегося оборудования была неработоспособна и частично разукрупнена. Предположительно еще четыре-

надзор говорит то же об объектах Минатома: «Во-первых, не исключается создание технологическими террористами радиационной аварии путем распыления, разброса радиоактивных веществ, с серьезным поражением людей и местности в радиусе до ста километров. Во-вторых, допускается возможность попытки захвата ядерных материалов первой категории», проще говоря, той категории, из которой затаки смастерят ядерную бомбу: 25 килограммов урана или 5 килограммов плутония для этого хватит.

Наконец, террорист, проникнув на объект Министерства обороны, может сотворить настоящую катастрофу, если «расстреляет» ядерный боеприпас. До последнего времени говорилось, что «наши ядерные боеприпасы — самые надежные в мире». Теперь выясняется, что, держа мораторий на ядерные испытания, а затем и подписав осенью прошлого года договор об их всеобъемлющем запрещении, Россия отстала от США и Франции в вопросе поддержания надежности ядерного арсенала в том, что касается восприимчивости боеприпаса к внешним воздействиям.

По данным, оглашенным в Государственной думе, особенно уязвимы для террористического нападения ракетные системы наземно-мобильного базирования. В России более 400 таких ракет с количеством ядерных боеголовок, превышающим 800 единиц. Их суммарный эквивалент 400 мегатонн. Такая техника, стоящая вблизи крупнейших городов, конструктивно не защищена даже от выстрела с расстояния 1–2 километра из винтовки калибра 7,62, не говоря уже о гранатомете. Из-за неготовности противостоять потенциальным террористам эти системы либо поставлены «на прикол», либо ограничены передвижением, что прямо противоречит их предназначению. Но военные не видят иного выхода. Они боятся за безопасность собственных ракет.

РУССКИЕ БОМБЫ В АМЕРИКАНСКОМ ОДЕЯЛЕ

На вопрос: что делать? — все специалисты в один голос говорят: дать денег. Но в бюджете лишних денег никогда не бывает. На помощь приходят американцы. Счет объектов Минатома, которым предоставлены американские деньги, пошел на десятки и достигнет в конце года сорока пяти, из которых на 22 объектах все работы в текущем году будут уже завершены. Это позволяет представителю северо-западной лаборатории США Стивену Младиноу утверждать, что на ситуацию следует взглянуть более оптимистично. За последний год наматились значительные улучшения, и больше нет причин сгущать краски. Кеннет Луонго, еще недавно высокопоставленный сотрудник министерства энергетики США, а ныне сотрудник Принстонского университета, признает, что внутри администрации США, не говоря уже о конгрессе, существуют порой противоречивые взгляды на помощь России в решении проблем ядерной безопасности, однако он также убежден, что удаётся значительно снизить риск распространения ядерных материалов с территории России и риск ядерного терроризма.

Соединенные Штаты поставили 100 комплектов для переоборудования вагонов для перевозки ядерных боеприпасов, 15 комплектов для сторожевых вагонов, оборудование по ликвидации последствий аварий, мягкие покрывала для перевозки ядерных боеприпасов, оборудование для учета этих боеприпасов... Начата при участии Института имени Курчатова грандиозная — прежде всего по масштабам — программа создания полноценной системы компьютерного учета, контроля и физической защиты ядерного материала на Северном флоте: пока речь идет о приведении в порядок двух хранилищ. Министерство обороны в отличие от скептического Минатома оценивает американскую помощь по программе Нанна-Лугара как «важную». Военные знают: сейчас выбирать не приходится.

вания — единственное, чем сейчас может ответить Россия на новые вызовы в Европе и на возможности развертывания со временем Соединенными Штатами оружия массового уничтожения, основанного на иных, нежели ядерное, физических принципах высокоточного оружия. Мы не знаем намерений в долгосрочной перспективе другой ядерной державы — Китая. Наконец, сохраняется опасность, что число «подпольных» и «непризнанных» ядерных государств возрастет, и не исключено, что такие государства появятся у наших границ. Поэтому о ликвидации Россией ядерного оружия в обозримом будущем речи идти не должно. Другое дело: сколько нам нужно ядерных боеголовок для того, чтобы такое сдерживание, пусть на минимальном уровне, обеспечить? Дискуссия по этому вопросу идет, и она требует особого разговора. Очевидно одно: сейчас мы имеем их значительно больше, чем может «переварить» бюджет и чем требуется для решения военно-политических задач. Таким образом, выход не в разоружении, но в постепенном и продуманном сокращении ядерных вооружений: сначала ратификация и выполнение Договора СНВ-2 в том виде, в котором его было предложено уточнить в ходе встречи между двумя президентами в Хельсинки в марте, затем — СНВ-3: потолок в 2–2,5 тысячи боеголовок, как это спланировали Клинтон и Ельцин, в целом представляется разумным.

Но здесь возникает техническая проблема. Военные и Минатом уже сейчас захлебываются от количества боеголовок, подлежащих немедленному демонтажу. На складах их скопилось не менее двух тысяч. Гарантийные сроки их истекли, и конструкторы сознательно отказываются эти сроки продлевать. Что происходит с боеприпасами на складах? Пока что ничего. Что может произойти с течением времени, точно неизвестно. Но можно предположить, что боеприпасы подвержены коррозии, идет распухание материалов, а это существенно осложняет разборку боеприпасов и может привести к чрезвычайным происшествиям на заводах, где занимаются их утилизацией. Между тем качественная и безопасная разборка не может сопровождаться требованиями: «Побистрее!»

Таков парадокс сокращения ядерных вооружений: чем быстрее и больше сокращаешь — тем выше риск катастрофы. Порочный круг опять же можно разорвать лишь с помощью дополнительных и значительных финансовых вливаний в объекты хранения и заводы по утилизации. Тем более что высокий уровень затрат ляжет на ближайшие два-три года и его не придется затем поддерживать десятилетиями, просто потому, что число ядерно опасных объектов будет сокращаться. Как сказал представитель Министерства обороны депутатом Госдумы в ходе слушаний, «при нынешнем отношении к воспроизводству боеприпасов к 2003–2005 гг. у нас практически производство остановится, а количество опасных объектов можно будет пересчитать на пальцах одной руки». Возможно, к этому же времени в Женеве удастся выработать проект международной Конвенции о запрещении производства расщепляющихся материалов для военных целей, на чем настаивает целый ряд западноевропейских и развивающихся государств.

Ядерный комплекс в его нынешнем виде — это достояние, ставшее бременем. И бремя, остающееся достоянием. Поддержать и вытянуть из кризиса всю махину без потерь не удастся. Но определенную часть еще можно «сосредоточить» и сберечь. Для этого придется платить по счетам — и прошлым, и нынешним. Американская или любая другая иностранная помощь никогда не будет лишней, но и никогда не станет панацеей. Платить придется самим. И уже сегодня, иначе завтра окажется поздно.

Боевые пловцы также готовятся к обезвреживанию террористов на российских ядерных объектах.

Фото Игоря Короткова

атомной энергии (МАГАТЭ) Ани-та Нильсон, которая работает с международным банком данных по ядерным хищениям, говорит, что в последнее время государства действительно предоставляют меньше информации об имевших место инцидентах. Она не уверена, однако, что это означает снятие вопроса о хищениях с повестки дня: «Та информация, которой мы располагаем, позволяет сделать вывод о том, что если какая-то организованная группа интересуется ядерным материалом, то она имеет возможности для тщательного планирования и проведения операции».

В России известно несколько доказанных случаев ядерных хищений: подольское «дело Смирнова», челябинское «дело Явевича», саровское «дело Васина», «дело матроса Попова» на Северном флоте... Заведено в общей сложности два десятка уголовных дел. В большинстве из них речь идет о материалах, которые вряд ли могли быть использованы в создании ядерного оружия. На Северном флоте, правда, уран был с обогащением 36%. В январе 1995 г. пропал где-то на пути из Электростали на уральский комбинат «Маяк» плутониевый компонент оружейного качества весом всего 3 миллиграмма, и доказательств, что его похитили умышленно, нет.

На сегодня мы не имеем дела с «ядерной мафией». Ее просто нет. Таинственные «иракцы», «иранцы» и «палестинцы», ведущие переговоры с солнцевской братвой, пока что миф. Потому что, как выясняется, чтобы украсть ядерные материалы, их необходимо сделать совершенно легальными.

По словам сотрудника ГТК Николая Кравченко, отвечающего за таможенный контроль за ядерными материалами, если бы преступником был он, то ни за что не стал бы перевозить что-то «за пазухой» или «в чемоданчике»: «Таких простаклов могут использовать лишь в качестве пробных курьеров, и то велик риск быть обнаруженным на границе». Профессионалы, по мнению Кравченко, войдут в контакт с официальным экспортером радиоактивных материалов, например какой-нибудь миноматовской фирмой. Фирма благополуч-

но и здесь «есть способ»: он имплантируется в другой радиоактивный материал или провозится вместо него. Контейнер опечатан, таможенник, как правило, лишь листает документацию и сверяет номера. А в контейнере вместо цезия-137 плутоний... Мониторы, радиометры... Все эти приборы разработаны и когда-нибудь поступят на внутренние и внешние таможи. Но сегодня ими оснащены лишь каждый четвертый КПП. До самого последнего времени половина имеющегося оборудования была неработоспособна и частично разукрупнена. Предположительно еще четыре-

лет при сохранении нынешнего уровня финансирования граница не будет стопроцентно закрыта для «ядерных похитителей». При этом внутри таможенного союза такой контроль вообще не предусмотрен, и груз спокойно уйдет с Урала до Бишкека... Есть ли уверенность, что в Бишкеке он будет надлежащим образом проверен? Или пойдет дальше на юг? Наркотики и оружие перемешаются через границы СНГ без особых проблем. Что мешает при необходимости так же свободно переместить ядерные материалы? Пока ничего.

Но все-таки «коммерческая привлекательность» ядерных хищений сомнительна. Может быть, не стоит бить тревогу и переживать из-за отсутствия рвов и прожекторов вокруг ядерных объектов: кому он нужен, этот плутоний?

ЭФФЕКТ КОНДРАТЯГИНА

В научно-прогностическом бестселлере «Россия в 2010 году» экономисты Дэниэл Йергин и Тэн Густафсон описывают сценарий, по которому осенью 1998 г. губернатор «бедной ресурсами Пензенской области Георгий Кондратягин, известный своими связями с екатеринбургской преступной группировкой, вступает в контакт с начальником предприятия по демонтажу ядерных боеприпасов». Недовольный жизнью полковник соглашается «за очень скромную сумму — 20 тыс. долларов — на счет в швейцарский банк» передать сообщникам Кондратягина четыре плутониевых компонента, по три килограмма в каждом... Казалось бы, здесь на сцену должны опять выйти «иракские агенты», но авторы точно почувствовали, что правдоподобие требует иного сюжета: сообщники Кондратягина шантажируют ФСБ, угрожая подкинуть плутоний в Москву-реку. По книге москвичи избегают поголовного отравления и злоумышленников хватают.

После того как секта «Аум Синрикё» применила боевое отравляющее вещество зарин в токийском метро, все это не кажется столь уж фантастическим. Рост числа террористических групп (как международных, так и национальных), непредсказуемость, мобильность, легкость в кооперации друг с дру-